

Апофатизм времени и Слова в средневековой библейской экзегетике

Научный руководитель – Алымова Елена Валентиновна

Наумовец Полина Александровна

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st095005@student.spbu.ru

В докладе рассматривается параллель между христианским представлением о раскрытии прообраза сущего в воплощении Логоса и экзегетой эсхатологических сюжетов Ветхого Завета. Цикличность символических образов и их интерпретация у христианских богословов связывается с полаганием границы слова в указании на сущность Троица Божия. Библейский символ и божественный атрибут приводятся во взаимное смысловое соответствие за счет тождества динамической модели раскрытия истины, непознаваемой в пределе божественной сущности.

Экзегетические модели отцов Церкви, разворачивающие аналогичное толкование Священного Писания в перспективе раскрытия истины христианского Откровения, предполагают создание единого символического континуума выражения сакрального смысла Священного Писания. Временная динамика библейской истории снимается посредством ее перенесения в иное измерение понимания и приводится в соответствие со смысловой динамикой катафатического и апофатического богословия в их единстве. Истоки данного подхода обнаруживают себя еще в трудах Филона Александрийского [6], уделяющего особое внимание числовой символике Ветхого Завета в связи с пространственно-временным раскрытием Логоса Божия, содержащего в себе прообраз всего мироздания. Эта линия продолжается и в признанном еретическом сочинении Оригена «О началах» [3], четвертая книга которого посвящена разъяснению необходимости расширенного толкования буквального смысла библейских сюжетов. Ориген указывает на то, что только с приходом Христа явились себя доказательства боговдохновенного смысла ветхозаветных Писаний.

Вочеловечение Сына как достижение предельной точки подобия человека Богу в искуплении греховности задает прообраз для указания на имя и атрибут Бога в катафатическом и апофатическом богословии. Слову придается статус указания не только на непознаваемость Бога, «божественный мрак» [2], но и на непознаваемость предела времен. Как богословие восточных отцов Церкви, так и доказательства бытия Бога в западной схоластике представляют собой *apodeiksis*, указание на непосредственное присутствие непознаваемого в своей полноте смысла в единстве мироздания и в Священном Писании соответственно. Подобные объяснительные модели самым непосредственным образом связаны с христианскими рефлексиями темпоральности. В трудах Августина Аврелия особое внимание уделяется феномену памяти в связи с раскрытием времени в перспективе актуализации Града Божьего [1]. Общее служение Церкви, являющее себя и как внутреннее служение каждого верующего, вписывается Августином в символический континуум, в котором божественная мудрость раскрывает себя последовательно, являя свои зачатки в том числе в трудах неоплатоников.

К неоплатонической традиции восходит и способ объяснения различия божественной сущности и энергий в трудах Григория Паламы [5]. Здесь связь темпоральности с именованьем проявляется в том числе в этимологическом ключе. Палама выводит происхождение существительного *theos* из глагола *theo*, которое переводится как «бежать», «двигаться», «вращаться». Нетварные энергии являют себя человеку как благодать, а указать на божественную сущность, таким образом, возможно лишь косвенно; само имя оказывается

лишь круговым движением, цикличность которого изоморфна цикличности символических единиц в экзегетике эсхатологических сюжетов Священного Писания. Символическая интерпретация позволяет, таким образом, создать особый «метаязык», новое измерение богословской мысли, в которой время образует собой единый смысловой континуум. Выстраиваемая толкователями система взаимосвязей между символами имеет значительное сходство с геометрическим языком византийских икон, где жест или положение в пространстве указывают на определенную точку связи с единством божественной мудрости. Например, в оригеновских «Гомилиях на Бытие» [4] анализируется геометрическая структура Ноева ковчега, что позволяет мысли отстраниться от непосредственности образа, при этом включая его в новый континуум толкования.

Таким образом, символ в средневековой экзегетике являет себя как смысловая граница, точка начала актуализации потенцированного смысла. Форма этого символа непосредственно связана с эсхатологической перспективой понимания времени и апофатическими богословскими системами, так как возможность расширения смыслового горизонта обусловлена именно указанием на конечность и несовершенство непосредственно являющей себя очевидности «буквы» Писания.

Источники и литература

- 1) Блаженный Августин. О Граде Божиим. Книги I-XIII//Блаженный Августин.Творения.ТЗ. —СПб.: «Алетейя»; Киев: «УЦИММ-Пресс», 1998.- 595 с.
- 2) Дионисий Ареопагит. Сочинения.СПб.: «Алетейя», 2002. —863с.
- 3) Ориген. О началах.СПб.: «ΒΙΒΛΙΟΠΟΛΙΣ», 2008. —794с.
- 4) Ориген.Гомилии на Бытие.Москва.: «Познание», 2019. —305с.
- 5) Святитель Григорий Палама.Трактаты.Краснодар.: «Текст», 2007. —251с.
- 6) Филон Александрийский.Толкования Ветхого Завета. Москва.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2000. —457с.